

Зинаида Миркина
ПОТЕРЯ ПОТЕРИ

Зинаида Александровна Миркина

Потеря потери

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24508953

Потеря потери: Центр гуманитарных инициатив; Санкт-Петербург;

2016

ISBN 978-5-98712-667-7

Аннотация

Поэзия Зинаиды Миркиной не философская лирика и не богословие в стихах. Это художественное высказывание пробитое насквозь бесконечным доверием к жизни и верностью нравственной правде. Готовые жанровые формы не способны вместить эту бьющую через край внутреннюю жизнь и ту великую тихую радость, которая приходит невесть откуда. У Миркиной юная душа, для которой «ропслек соловьиный» самая важная проповедь. Соловей не может лгать, потому что соединен с бессловесной глубиной. А поэт и мудрец знают слова. И им надо омыwać слова в молчании. Они и погружаются в молчание, в чуткую дремоту, из которой приходит истинное знание всех вещей.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

Издание третье, исправленное и значительно расширенное.

Содержание

Очевидность невидимого	7
Что значит «Я»?	10
«Камин из пня. Костер – пещера...»	11
Элегия	13
«Ликованье! Ликованье...»	16
«Когда у сердца нет границ...»	17
«Не спрашивайте – есть ли в мире Бог?..»	18
«Не нужен общий замысел? Ну, да...»	19
«Остановись... И ты тогда заметишь...»	20
«А я и есть сосна. Сосна есть я...»	21
«Как точен счет, как вывод строг...»	22
«А после-то, а после что ж?..»	23
«Нет, я от вас не уйду, друзья...»	24
«А вы забудьте обо мне...»	25
«Качнулся лист сырого клена...»	26
«Придти в себя, чтоб в тишине...»	27
«Бог не терпит других. Он один навсегда...»	28
«Что значит счастье?..»	29
«Я есмь орган, но органист не я...»	30
«Бог кричал...»	31
«Не иудеи – иудея...»	33
«О нет, душа моя – не я...»	35
«Я со своей душою повстречалась...»	37

«Невнятность...»	39
«Увековечено мгновение...»	40
«И нам вовеки не понять...»	41
«Побудь со мной в тот самый трудный час...»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Зинаида Миркина

Потеря потери

Очевидность невидимого

Поэзия Зинаиды Миркиной как бы насыщена воздухом горных вершин. И вместе с тем она проста, лишена всякой изысканности. Это разговор с Богом, перед которым нелепо прихорашиваться, перед которым смолкают наши взаимные счеты, наша ирония. Она признается Ему в любви, просто и открыто говорит о главном, о чем многие не решаются говорить. Может показаться, что эта беседа односторонняя, не диалог, а монолог. Но душа слышит, вслушивается, причастная великому безмолвию соединенных меж собою звезд, чей удел «светиться сквозь молчанье и тайное единство возвещать».

Внутренняя тишина предшествует молитве. Она – первое условие богообщения. Кто молится, тот знает, как трудно порой сосредоточиться, отключиться от суетных мыслей, как трудно обрести внутреннюю тишину, которую Зинаида Миркина понимает как дар смирения. Все внешнее, поверхностное, разрозненное должно смириться перед внутренним, глубочайшим – Единым. Преклонить колени для поэта «так же важно, как дышать». Так пишутся эти стихи: сначала в молчании и поверить, а потом уже, собственно, акт творчества, когда «родится слово и забрезжит свет».

Шарль де Фуко (брат Шарль), основатель деятельных христианских братств, вспоминал, что в детстве его учили вслу-

шиваться в тишину. Гуляя с дядькой по лесу, они молчали... Может быть в этом терпеливом вслушивании и родился будущий подвижник, безошибочно определивший нужды нашего шумного большого века.

Труд поэта – подвижнический труд. Особенно если стихи складываются как молитва, направленная в зенит – без всяких сомнений и околичностей.

Жизнь в ее неуследимой сложности – единый процесс, не прерываемый смертью. Она имеет притягательную собранность кроны. Ветвистая и разноголосая, она удерживается единством творческого замысла, который художнику понятен, может быть, как никому другому.

Беспокойная («ненасытная») человеческая душа мечется до тех пор, пока «ее не наполнит Дух Святой». То же самое говорил Иисус самарянке, пришедшей за водой к колодцу: «Кто будет пить воду, которую дам ему, тот не будет жаждать вовек» (Ин. 4,14).

Стихотворения Зинаиды Миркиной пронизывает христианская духовность. Однако своего неизменного собеседника она не называет по имени, а иногда и подчеркивает, что при всей вере в Него, Он остается непостижимым и неизвестным Богом, которого проповедовал апостол Павел набожным афинянам.

Это призыв к смирению разума, к согласию на великую Тайну, которую нельзя знать извне, которой можно только причаститься изнутри. Ум имеет дело с внешними объекта-

ми и только сердце – с внутренней бесконечностью мира. «Лишь только умаление ума и разрастанье сердца...» Только тогда приходит успокоительная ясность.

Эта поэзия близка к молитвословию, искусству, более всего раскрытому в псалмах Давида. Такое откровение и постоянство может пробудить только личностный Бог, узнаваемый «в лицо», черты которого никогда не застывают и смысл которого неисчерпаем.

Духовный опыт автора этих стихов накапливался в смирении, в умении вынести всю тяжесть мира, не теряя своего «я». Ее кредо – «быть и быть наперекор всему».

Это о ней почти три тысячи лет назад сказал псалмопевец: «Князья сидят и сговариваются против меня, а раб Твой размышляет об уставах Твоих» (Пс. 118, 23).

Александр Зорин

Эта книга не была бы издана без постоянной помощи Александра Хабинского, которому я от всего сердца благодарна. Он из тех читателей, которые становятся почти что соавторами – делят жизнь и судьбу моего слова.

З. Миркина

Что значит «Я»?

«Камин из пня. Костер – пещера...»

Камин из пня. Костер – пещера.
Жар мягкий в воздухе НОЧНОМ.
Углей мерцающих химеры
И шепот ветра ни о чем.

И шепот ветра, шорох бездны...
Так неужели вечность – мгла?
Так неужели я исчезну,
Уйду совсем, сгорю дотла?..

И будет свет мерцать, змеиться,
В безмолвьи красном жар тая,
И будет вечер, будут лица,
И будет лес, –
А я?.. а я?..

Сгоревший уголь, пепла груда –
И тишь вокруг, и тишь в крови...
А я тогда себя забуду,
Совсем забуду, как в любви.

Когда вся тяжесть – пух лебяжий,
Не давит больше плоть моя;
Когда душа уже не скажет,
Не всхлипнет вдруг: «А я? А я?»

Элегия

Что значит «я»?

Да, у меня есть имя

И даже это званье – «человек».

Но все – слова, а что все это значит?

Есть в мире лес. Есть сосны над оврагом,

Есть путаница веток молодых,

Бессмыслица звенящих трелей птичьих

И безымянность неба, безымянность такого счастья!..

Кто ему даст имя? Кто даст невыразимости слова?

Заговорите, сосны! И сосна заговорила.

Я и есть сосна заговорившая вот эта.

Заговорившая, но все-таки сосна... сосна! Сосна

И путаница веток, бессмыслица звенящих трелей
птичьих

И это небо –

вот, что значит «я».

Не дай Господь вдруг отделиться слову

От древнего значенья своего.

Я без сосны всего лишь звук пустой,

Так, скорлупа сухая без ядра.

О, сколько скорлупы самодовольной вокруг!

А сосны над оврагом –

безмолвствуют. И птицам не пробиться сквозь толщу

слов,

Сквозь отверденья эти – внутрь, в жизнь...

О птицы, птицы! Птицы!

Словам понравилось бряцать друг перед другом и красоваться.

Не пора ли им замолкнуть?

Ведь даже и скромнейшие слова, прозрачные, исполненные смысла,

И те – слова, а все слова – сотрутся.

И будут только сосны над оврагом,

И путаницы веток молодых,

И безымянность неба, безымянность глубин последних.

Там, в глубинах, жизнь – безмолвствует...

Когда слова начнут стираться и пугаться,

Я тихо прислонюсь к моей сосне,

К моей земле весенней

И – замолкну.

А ты заплачешь, решив, что нет меня, и будешь искать, и биться, и кричать, и звать.

Родной мой, милый, как мне жаль тебя

И как мне хочется тебя утешить...

Но почему ты не сумел тогда, еще тогда, когда слова звучали,

В меня взглянуть сквозь все слова

До самых этих сосен над оврагом

И пуганицы веток молодых?

Тогда бы больше не было разлук
для нас с тобой,

И ты б узнал, что значит загадочное это слово –
«смерть», –

Уход к своим корням и тайна встречи с самим собой...

Не знаешь? Не можешь знать?

Ну что же, плачь тогда.

Плачь, плачь еще, покуда не родится

Из плача песнь

И, может быть, она введет тебя к тем соснам над оврагом,

И к путанице веток молодых,

И к птицам с их бессменным ликованием...

«Ликованье! Ликованье...»

Ликованье! Ликованье
Голосов весенних –
Это внутреннее знание,
Внутреннее зренье.

Это – воздыманье вала
Через все пределы.
Жизнь сама себя познала
И – захлеб запела.

«Когда у сердца нет границ...»

Когда у сердца нет границ,
Все знание лучей и птиц,
Все знание ручьев и трав
Вливается в его состав.

И сердце вешнее тогда,
Как будто вешняя вода,
Как тающее естество,
Звенит про Бога своего.

«Не спрашивайте – есть ли в мире Бог?..»

Не спрашивайте – есть ли в мире Бог?
А только: есть ли я? Я – промельк, пена?
Или мой жар сердечный мир прожог
И светом стал без тени и без тлена?
Кого спросить мне? Кто мне даст ответ
о нас самих? И чья это забота?
Если меня на самом деле нет,
Что мне с того, что существует кто-то
другой... чужой... Он безразличен мне,
Как я ему... Но если в глубине
моей живет незыблемое «Я»,
то пусть ответит глубина моя...

«Не нужен общий замысел? Ну, да...»

Кушнеру

Не нужен общий замысел? Ну, да,
Я тоже так считаю... Он не вправе
быть, тот, кто от участия, от труда
совместного с Собою нас избавит.
Кто действует за нас, помимо нас;
Тот, для кого мы – винтики и числа...
Но если Он есть тайна наших глаз,
Невычисленность мирового смысла,
Который исчисляется, пока
трепещет и пульсирует под кожей,
И без единственного волоска,
без тени этой обойтись не может?..

«Остановись... И ты тогда заметишь...»

Остановись... И ты тогда заметишь,
как легкий лист задумчиво повис
на тонком черенке. Июльский ветер
чуть-чуть качнул его... Остановись...

Замри вот здесь... Ведь началась сначала
сейчас, с минуты этой жизнь твоя.
Есть лес и небо. Ничего не стало.
Есть только лес и облако... А я?

Не знаю, где я, но и знать не надо –
Все долгое свечение зари,
весь этот лес теперь не просто рядом,
я словно вижу это изнутри.

Вон из того мелькнувшего просвета,
Из глубины, из сердца бытия –
Все то, что просквозило между веток,
И вздрагивает в каплях – это я...

«А я и есть сосна. Сосна есть я...»

А я и есть сосна. Сосна есть я.
Я это не однажды говорила.
Не мной душа кончается моя,
И не во мне моя таится сила.

И эта тайна до того проста,
что, кажется, ее и вовсе нету,
А есть лишь трепет легкого листа,
Да шум сосны, да переливы света.

И все. А Бог? А что такое Бог?
Да просто Тот, Кто разомкнул границы,
Кто уместиться сам в себе не смог,
Тот, Кто ни в ком не может уместиться.

Кто обладает миллионом глаз,
мильёном рук, планет и звезд и все же
Не может жить без каждого из нас,
Без нас с тобою обойтись не может.

И есть такой неведомый закон, –
небесный счет несчитанных усилий:
Мы умираем, чтоб не умер Он.
А Он бессмертен, чтобы все мы жили.

«Как точен счет, как вывод строг...»

Как точен счет, как вывод строг
неумолимого закона:

Нужна не часть, а целый Бог,
чтоб дуб один расправил крону.

Чтоб до лилово-сизых туч
вершина темная достала,
чтоб стал он, словно Зевс, могуч,
нужна не часть. Туг части мало,

Не часть, а всё. Бог нужен весь,
Чтоб взмыла ввысь одна лишь птица.
В единый миг сейчас и здесь
Должна вся вечность уместиться.

Всё, что ни сделаешь, кроша
На части мир, всегда некстати.
Чтоб родилась одна душа,
Всего Себя вложил Создатель.

И потому при слове «Бог»,
При первых же раскатах Слова, —
Дух собран весь, Дух все возмог,
Всего себя отдать готовый.

«А после-то, а после что ж?..»

– А после-то, а после что ж?
– А после – лес, а после – дождь,
А после – ветер и река,
А после – эти облака.

Как ночь приходит после дня,
Так вам – мой дух после меня.
Весь запах трав, весь птичий гам,
Все небо я оставлю вам.

– Но это было здесь всегда...
Была земля, была вода,
Был ветер, дождь, листва и свет –
Все это вечно было.
– Нет.

И океан был прежде сух.
И прежде сосен был их дух.
И много прежде бытия
Земли и неба было «Я».

«Нет, я от вас не уйду, друзья...»

Нет, я от вас не уйду, друзья,
Но вы есть вы, а сосны – это я.

Да, вы есть вы, и твердою стеной
Вы каждый миг разделены со мной.

А целый лес, все небо – это я.
Перегородок нет у бытия.

И если ни береза, ни сосна
со мной не может быть разделена,

так неужели всем открытый Бог
меж нами станет воздвигать порог?

Но если Бог от сердца отделен,
то я не я и Он не Он.

«А вы забудьте обо мне...»

А вы забудьте обо мне,
Не думайте, не надо...
Мелькнула птица в вышине,
Пустых пространств прохлада...

Зачем вам я? Остался бор,
Задымленные горы
И непостижный тот раствор
Всей радости, который

Зовется речкой... и травой,
И лесом... Сохраните
Блеск неба, запах влажных хвой
И тоненькие нити
Берез. Луча косога вздрог
В скрещеньи черных веток...
А сердце... Сердце лишь пучок
Из трав, земли и света.

И невозвратных нет потерь –
Миры остались с вами.
Пучок распался? Что ж, теперь
Его свяжите сами.

«Качнулся лист сырого клена...»

Качнулся лист сырого клена,
И тихо дождь зашелестел.
Душа живет иным законом,
Обратным всем законам тел.

В ней нет земного тяготенья
И страха перед полной тьмой.
Ей все потери – возвращенья
Издалека к себе самой.

О, эти тихие возвраты!
Листы летят, в глазах рябя...
И все обрывы, все уграты
Есть обретение себя...

«Придти в себя, чтоб в тишине...»

Придти в себя, чтоб в тишине
Сам Бог приблизился ко мне,
Чтоб отражение Его
Взошло из сердца моего.

Придти в себя, чтобы стеной
Никто не встал меж Ним и мной,
Чтобы на глади бытия
Взошло нетронутое «Я».
Не раздробляясь, не рябя...
Как высь в моря, придти в себя...

«Бог не терпит других. Он один навсегда...»

Бог не терпит других. Он один навсегда.
Вся безмерность – Его.
Тихо небо качает морская вода.
Никого.

Оглянись – лиловатые дали чисты,
Берег – тих.
Все, что видишь и слышишь вокруг, – это ты,
Нет других.

И затихла, как разом прервавшийся спор,
Боль твоя.
Не дробится душа, не раздроблен простор –
Ты есть я.

Мы не два, а одно. Ты есть я, я есть он.
Как ясны зеркала!
И та гладь, что разбилась в начале времен,
Вновь цела!

«Что значит счастье?..»

Что значит счастье?

Счастье – это

Не я. – Исчезновение «я».

Совсем чиста душа моя,

Совсем порожняя посуда,

В которую втекает чудо

Из половодья бытия.

«Не я, не я», а только это

Сплошное половодье света,

Наплыв проточного огня.

Есть только он, и нет меня!

Вопросы? Но к чему вопросы.

Когда костер души разбросан

По всем мирам, и угольки

Его то здесь, то в поднебесьи, –

То звездной россыпью, то смесью

Лесов весенних и реки!..

О, этот ветер меж мирами,

Раздувший маленькое пламя

Души за страны, за края!

Великий ветер благодатный –

Мой дух. Так этот необъятный

И вездесущий – это я?!

«Я есмь орган, но органист не я...»

Я есмь орган, но органист не я.
Во мне волна Его святого хмеля.
И тот разрушит песню бытия,
Кто нас смешает или нас разделит.

По лавишам бесчисленным скользя,
Он трогает мои живые раны.
Я есмь орган, но мне самой нельзя
Дотронуться до клавишей органа.

Я есмь орган. Но лишь Создатель мой,
вдохнув свой дух, играет на органе.
Я – глубь и тайна для себя самой,
Я оживаю от Его касаний.

Вот Он пришел – предвечный органист.
О, это свет, вонзенный в темень ночи!
Да будет звук мой первоначально чист,
Чтоб передать все то, что Он захочет.

В бескрайнем мире только Ты и я.
Во мне – волна божественного хмеля,
И тот разрушит песню бытия,
Кто нас смешает или нас разделит.

«Бог кричал...»

Бог кричал.

В воздухе плыли

Звуки страшней, чем в тяжелом сне. –

Бога ударили по тонкой жиле,

По руке или даже по глазу –
по мне.

А кто-то вышел, ветрам открытый,

В мир, точно в судный зал,

Чтобы сказать Ему: Ты инквизитор!

Не слыша, что Бог кричал.

Он выл с искаженным от боли ликом,

В муке смертельной сник.

Где нам расслышать за нашим криком

Бога

живого

крик?

Нет. Он не миф и не житель эфира, –

Явный, как вал, как гром, –

Вечно стучащее сердце мира,

То, что живет – во всем.

Он всемогущ.

Он болезнь оборет, –

Вызволит из огня

Душу мою, или, взыв от боли,

Он отсечет меня.

Пусть

Лишь бы Сам, лишь бы смысл Вселенной

Бредя, не сник в жару...

Нет! Никогда не умрет Нетленный –

Я

за Него

умру.

«Не иудеи – иудея...»

Не иудеи – иудея,
Не дети женщин – сына девы,
Не Иисуса Назорея,
А то, что там, меж ребер, слева...

Не Бога и не страстотерпца,
Разверзшего покров могилы,
Распяли собственное сердце
За то, что билось и томило.
За то, что ныло и болело,
И порывалось вон из клетки,
Куда-то в вечность, за пределы,
Очерченные телом этим.

За то, что называло князем
Не князя мира (ком из глины),
За чувство тайной острой связи
С Незримым, Жгучим и Единым.

За это вечное волненье
Перед немым и непостижным,
И своевольное стремленье
Назвать неведомого ближним.
За то, что световые пятна
Ему чертили путь и сроки,

За этот трепет непонятный
От прикосанья звезд далеких.

Не чудотворца – страстотерпца,
Ушедшего в провал столетий,
Распяли собственное сердце,
И жили, смерти не заметив.

«О нет, душа моя – не я...»

О нет, душа моя – не я,
Душа моя – совсем иное,
Не то листва, не то струя,
Не то пронизанное мною
Пространство, легкое, как сон,
Где ни пространств и ни времен.

Как липа, ветки наклоня,
Так, как закат в свои объятья, –
она вбирает всю меня,
А я не в силах – рук не хватит.

Мое блаженное бессилье,
Когда в томлении по ней,
Бессмертной – по душе своей –
Себе отращиваю крылья...

Не то листва, не то струя...
Не то, не та – опять иная...
И знает столько, сколько я
За сотню жизней не узнаю.

Ни знаний у меня, ни прав.
Но как хотела б в ней пропасть я
И, все на свете потеряв,

Найти единственное счастье:

Тот аромат, тот звук, тот свет, –

Нет, новое – не то – иное:

Любовь, в которой больше нет

Различий между ней и мною.

«Я со своей душою повстречалась...»

Я со своей душою повстречалась,
Она была в зеленом, синем, белом
И мягко золотилась, и сияла, и пахла лесом.
Ты скажешь, не имеет душа
Ни запаха, ни цвета?
Неправда, все имеет!
Но это все, как дым, неуловимо.
Оно всплеснет и манит за себя
Куда-то вдаль,
Во что-то, что огромней ее самой
И запаха и цвета не имеет.
Но нас лишь только цвет введет в бесцветность
Немую, именуемую «свет».
Я со своей душою повстречалась
Она была в зеленом, синем, белом,
И мягко золотилась и звучала,
Как птичья песнь, как иволги призыв,
Как соловьиный росплеск, как кукушка,
Пронзившая единым звуком даль.
Она меня звала, звала, звала...
И так безмерно радовалась встрече!
И только на мгновение грустила,
Когда ее пыталась я назвать по имени.
Она меняла имя.
Меняла песнь, меняла запах, цвет,

Меняла облик вдруг и ускользала.
Дымком печальным, жалобною тенью,
И ниоткуда вдруг меня звала,
И если, вздрогнув, узнавала я
И говорила: «Ты!». – Она, ликуя,
Вдруг представала в синем и зеленом,
В лиловом, белом, и сосной вставала,
И иволгой свистела надо мной.
О, песня иволги в лесу сосновом!

«Невнятность...»

Невнятность...

То, чему не внемлет

Ум. – Не вмещенное в уме.

Что топит образ, топит землю

И в тьму идет, и длится в тьме.

Взор погашающее пламя,

Тот свет, в котором так темно...

То, что включает нас, а нами

Не может быть заключено

В черты. О, радость страстотерпца,

Того, кто вычеркнут и стерт!

Струной трепещущее сердце,

Входящее в такой аккорд!..

«Увековечено мгновенье...»

Увековечено мгновенье. –
Прорыв к последней вышине.
И скал взлетевших откровенье
Есть откровенье обо мне.

И если здесь одна стихия
И бездуховен гребень **сей**,
И эти линии святые –
Нагромождение камней,

А не следы великой тайны,
Не Духа реющего след;
И все бездушно и случайно, –
То и в сем теле Духа нет.

Но если Карадаг изваян
Резцом из сокровенной мглы,
То каждая скала живая,
А я – лицо и мысль скалы.

«И нам вовеки не понять...»

И нам вовеки не понять
ни высших замыслов, ни целей...
И вновь приходит благодать,
Как только мысли присмирели.

И вновь приходит тишина,
Как вздох глубокий, без причины,
И зелень леса пронзена
Огнем зардевшейся рябины.

Как будто мы вошли в костер
И в нем горим и не сгораем.
И края нет – сплошной простор,
И мы уже за нашим краем.

Как бы завеса вдруг снята –
Открылось самое святое:
Не просто рядом красота –
мы сами стали красотой.

Такой в душе у нас прибой
любви, такое бескорыстье!..
И кто отделит нас с тобой
От этих чуть дрожащих листьев?

И кто придумал, кто сказал,
Что я не лист, не ствол, не птица?
И потому бежит слеза,
Что нам в себе не уместиться...

«Побудь со мной в тот самый трудный час...»

Побудь со мной в тот самый трудный час,
Когда сквозь мир просвечивает пламя,
Когда с меня проникновенных глаз
Не сводит свет, прощающийся с нами.

В тот самый час, когда малейший вздрог
Уже подобен Громову звуку,
Когда весь мир на это сердце лег,
Как яблоко в протянутую руку.

Последний зов... последняя труба...
И где-то на весах у Миродержца
В такой тиши решается судьба
Всех лепестков и всех движений сердца!

Весы дрожат... дрожат и – наконец,
Сейчас!., сей час... Так вот он, час мой судный!
Но кто же я – ответчик иль истец?
И почему мне так блаженно трудно?

Побудь со мной у этого Огня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.